УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7
LCC PN6149.S2
П43

Сказание о неуместном свидетеле, или — Повесть о бутылке, полной здравого смысла, брошенной в океан академического застоя

В одной отдалённой губернии, где леса ещё не все вырублены под нужды канцелярий, а природа порой дозволяет себе вольности, не предусмотренные циркулярами, проживал Естествоиспытатель. Человек он был нрава тихого, но ума до крайности пытливого; из тех редких оригиналов, что предпочитают смотреть в телескоп, а не в зеркало собственного тщеславия.

Не искал он ни «звёзд» на мундир, ни «индексов» на свою фамилию. Но однажды сподобился он стать очевидцем явления столь разительного — будь то глаголющий слон Батыр или небесный огонь, поющий на три голоса, — что душа его возгорелась желанием поведать о том миру. Он измерил неизмеримое, взвесил невесомое и записал всё с той дотошностью, какая бывает лишь у людей, влюблённых в правду.

Едва успели просохнуть чернила на его записках, как на пороге его кельи выросли Незримые Стражи. Были они сухи, как прошлогодний гербарий, и смотрели на живой мир сквозь двойные стёкла предубеждений.

— Где же верительная грамота вашему открытию? — возгласили они с тем холодным высокомерием, коим наделены лишь люди, не совершившие в жизни ничего, кроме правильных сносок. — Где библиографический кортеж? Где поклоны предшественникам, кои в мудрости своей ещё при царе Горохе постановили, что слоны обязаны молчать, а огни — не иметь голоса?

— Помилуйте, милостивые государи! — вскричал Исследователь. — Я предлагаю вам факт! Я — очевидец и наблюдатель! Зачем мне цитировать тех, кто спал, когда небо разверзлось? Разве Галилей, прильнув к трубе, начинал записки поклоном схоластам, утверждавшим, что на Солнце нет пятен, ибо сие неприлично?

Но стражи были глухи. Они вещали о «преемственности», как о священной цепи, которою приковывали всякую новую мысль к древнему столбу.

В разгар сего препирательства, когда воздух в кабинете сделался окончательно спёртым, из сумрака архивов выступил некто в мундире столь туго застёгнутом, что даже мысль его, казалось, проходила через цензуру кадыка. То был Статский Советник От Грамматологии, верховный блюститель академических приличий.

— Что же вы, любезный, — проскрипел он, не меняя выражения лица, напоминавшего гипсовую маску, — изволите в Храм Истины без входного билета ломиться? Наука, сударь, есть не забава для глаз, а строгий порядок распределения чинов. Ежели факт не укладывается в утверждённую ведомость — тем хуже для факта!

— Но если факт истинен? — возразил Исследователь. — Если он ломает ваши схемы, как вешние воды ломают гнилые плотины?

Советник изменился в лице, расплывшись усмешкой, в которой читалась многовековая привычка душить всё живое:

— Истина, батюшка, без печати департамента — есть частное мнение и злостное вольнодумство. Извольте сперва доказать, что вы не изобрели велосипед, сославшись на сто авторитетов, которые этот велосипед запретили.

И начались для Исследователя времена скорбные. Всюду, куда бы ни приносил он свой труд, встречал он стену, воздвигнутую из мёртвых слов. Одни объявляли его работу «не соответствующей стандартам», ибо в ней не было ссылок на фолианты, кои он не читал за их полной бесполезностью. Другие величали его «невеждой», ибо он не привёл мнений тех, кто отрицал саму возможность его открытия.

Один из казначеев мысли даже начертал на полях: «Автор сей демонстрирует поразительную независимость, что в делах учёных приравнивается к сумасшествию».

— Не невежество это, а свобода! — думал Исследователь. — Я не обязан закрывать глаза лишь потому, что так велит устав вашей слепоты!

Поняв, что в Храме, где молятся на индекс цитируемости, правде места нет, принял он решение: пусть его труд станет не кирпичом в этой тюрьме, а бутылкой, брошенной в океан времени.

Он снарядил её с великим тщанием:

- Текстом — ясным и понятным, как родниковая вода, без кружев и обиняков.

- Данными — кои в замерах и снимках, упакованные так, чтобы и через сто лет не утратили остроты своей.

- Координатами точными — с указаниями мест и момента важного, дабы любой искатель мог проверить слова его делом собственным.

Разослал он эти «бутылки» по всем берегам: в децентрализованные архивы, где ещё нет цензоров; в библиотеки — под видом «редких рукописей»; на форумы — к чудакам и энтузиастам. Он не ждал наград. Он знал: если семя истины брошено в почву, оно взойдёт, даже если сверху положат гранитную плиту с надписью «Запрещено».

Прошли годы. Статский Советник давно превратился в прах, а его мундир — в пищу для моли. Статьи казначеев, полные чинных ссылок, истлели в подвалах, не оставив по себе даже памяти.

Но где-то на волнах Океана Времени плыла его Бутылка. И однажды её выловил человек — не обременённый чинами, но одарённый жаждой познания. Он прочёл, он вышел в поле, он взглянул на мир — и увидел то же, что видел наш Исследователь.

Наука жива лишь до тех пор, пока она слышит голос природы, а не только скрип собственного пера. Истина не нуждается в швейцарах и не просит разрешения у астрологов, чтобы взойти или выйти из рутины никчёмных догм. Сегодня она может стоить дешевле ссылки на Платона, но завтра именно она сокрушит все престолы академического застоя.

Ибо правда, однажды сказанная человеком честным, не тонет. Она лишь ждёт своего часа.

Конец.

© Aleksey Pogrebnoj-Alexandroff
в Лето 7534-е —
для тех, кто помнит:
из каких времён мы вышли